

Иван Сергеевич Пименов

**Формальное выделение
приёмов и стратегий
аргументации в текстах
научной коммуникации**

Иван Пименов

**Формальное выделение приёмов
и стратегий аргументации
в текстах научной коммуникации**

«Издательские решения»

Пименов И. С.

Формальное выделение приёмов и стратегий аргументации
в текстах научной коммуникации / И. С. Пименов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696329-0

В книге приведены результаты диссертационного исследования по компьютерному анализу аргументации в текстах научной коммуникации на русском языке (2021–2025 гг). В рамках вычислительной аргументации разработаны методы, позволяющие автоматически выявлять специфику доказательства тезисов, исходя из их языкового оформления и структурной организации, как в графах аргументации, построенных экспертами, так и в незамеченных текстах. Книга будет полезна специалистам, осваивающим область Argument Mining.

ISBN 978-5-00-696329-0

© Пименов И. С.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава 1. Теоретические основы представления аргументации	13
1.1 Лингвистические подходы к анализу аргументации	14
1.2 Формальное моделирование аргументационных структур	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Формальное выделение приёмов и стратегий аргументации в текстах научной коммуникации

Иван Сергеевич Пименов

© Иван Сергеевич Пименов, 2026

ISBN 978-5-0069-6329-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Настоящая работа посвящена проблеме формального анализа структур аргументации в текстах научной коммуникации (преимущественно коротких научных статьях) на русском языке методами компьютерной обработки. Такие структуры рассматриваются на уровне приёмов и стратегий аргументации. Приёмы соответствуют организованным, повторяющимся в разных текстах структурам из одной или более типовых моделей рассуждения (абстрактных логических схем, регулирующих построение аргументационных связей между высказываемыми утверждениями в процессе доказательства некоторой идеи). Совокупность приёмов, применяемых на уровне целостного полного текста для доказательства его ключевой идеи, образует стратегию аргументации, реализуемую автором этого текста. Полезно сразу отметить, что термин «доказательство» понимается в работе в широком смысле как поддержка одного тезиса другим в аргументационной структуре текста: расширенное толкование связано с моделированием аргументации в терминах аргументационных схем Дугласа Уолтона, где разные схемы (модели рассуждения) соответствуют разным видам обоснования в классическом понимании, от доказательств в строгом определении до логических ошибок (таких как *ad hominem*).

Формальный анализ прагматических языковых явлений, к числу которых относится аргументация, является фундаментальной лингвистической проблемой. Сложность аргументации как явления и теоретическая значимость её изучения иллюстрируются многоаспектностью аргументационных исследований в рамках различных дисциплин: как собственно лингвистики, теоретической и прикладной, так и риторики [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1969], философии [Van Eemeren, Grootendorst, 2004], формальной логики [Hintikka, 1989]. Задача формальной обработки аргументационных структур предполагает использование методов компьютерной лингвистики, в частности, направления Argument Mining, извлечения аргументов из текстов на естественном языке [Lawrence, Reed, 2019].

Анализ аргументационных структур в целостных текстах представляет интерес и для традиционной лингвистики ввиду многосторонней природы текста как продукта коммуникации, одновременно обращённого и к системе языка (средствами которой он образуется), и ко внеязыковой действительности (к которой относятся и связи между описываемыми в тексте явлениями), и к речемыслительной деятельности говорящего (отдельной языковой личности). Успешное решение обширного круга текстовых проблем требует развития междисциплинарного подхода, интегрирующего достижения различных наук: как собственно лингвистики, так и семиотики, психологии, герменевтики, стилистики, наконец, риторики [Бернацкая, 2009]. Важность риторики в изучении текста подчёркивается лингвориторической парадигмой, согласно которой специфика языковой личности (ЯЛ) в классическом представлении Юрия Николаевича Караулова (всех трёх её структурных уровней, вербально-семантического, лингво-когнитивного и мотивационного) проявляется наиболее полно в организации речи: в композиции логоса, пафоса и этоса (как мыслительного, эмоционального и нравственного оснований речи) на разных риторических этапах выражения мысли (инвенции, диспозиции, элокуции) [Ворожбитова, 2014]. Как отмечает сам Ю. Н. Караулов, главенствующую роль в иерархии уровней ЯЛ играет мотивационный уровень, на котором выражаются её коммуникативные потребности, а к числу трёх ключевых типов этих потребностей относится воздействующая: аргументация же по своей природе выражает специфику воздействия одной ЯЛ на другую в процессе общения, в связи с чем анализ применяемой аргументации значим для изучения ЯЛ в её культурном контексте (например, изучение семиотического обращения текстов в речевом воздействии, проверка, к каким именно текстам производятся отсылки разнообразных видов при обосновании тех или иных точек зрения, позволяет выявить прецедентные тексты культуры) [Караулов, 2010, С. 211—237]. Отдельно Ю. Н. Караулов акцентирует

ключевые аспекты аргументации, обеспечивающие отражение в её акте отличительных характеристик соответствующей ЯЛ: диалогичность, адресованность (определённой личности или группе людей), субъективность (мотивированность частным интересом), а также её двойственная природа (реализация логической траектории языковыми средствами) [Караулов, 2010, С. 245—258]. Соответственно, значимость риторической перспективы в изучении текста как сложного целого, выстраиваемого по итогам речемыслительной деятельности в процессе коммуникации, влечёт актуальность исследования формальной организации текста на уровне реализованных, уже в нём материально представленных аргументационных структур (в рамках которых и отражается выражение логоса, пафоса и этоса).

Анализ аргументации как воздействия на мнение слушателя важен и в контексте исследования опосредованного языком социального взаимодействия в рамках лингвистического дискурс-анализа (в связи с антропоцентрическим фокусом современного языкознания) [Красина, 2018]. Исследования дискурса, в свою очередь, тесно связаны с лингвистикой текста, к ключевым проблемам которой относится изучение категорий связности и цельности текста [Минина, Карзунина, 2010] как двух его сторон, одновременно противопоставляемых и предполагающих друг друга (невозможности в тексте изолированных компонентов, не связанных с иными, при несводимости текста как образа ситуации к отдельным его компонентам) [Мурзин, Штерн, 1991, С. 11—18]. Одной из таких категорий выступает его аргументационная организация, которая может рассматриваться как один из аспектов связности текста, сочетающий логику изложения и композицию языковых средств, на уровне его макроструктуры [Негрышев, 2011] в классическом представлении Тео ван Дейка (как иерархического источника глобальной связности текста, или его семантического плана, регулирующего стратегию его представления на локальном и линейном уровне, например, в распределении эксплицитной и имплицитной информации, установлении локальной текстовой связности) [ван Дейк, 2000, С. 41—67]. В свою очередь, разработанные Т. А. ван Дейком и В. Кинчем концепции макроструктуры и макропропозиции удобно использовать для представления понятий аргументационной структуры текста и отдельного аргумента: аргумент, образованный системой отдельных утверждений (посылок и заключения), может быть соотнесён с макропропозицией как пропозицией, выводимой из ряда пропозиций в результате свёртывания их смысловой структуры, а роль отдельных аргументов в аргументационной структуре близка в данном ракурсе соответствующей роли макропропозиций в обеспечении глобальной связности текста на уровне его макроструктуры (с учётом того, что две данные пары понятий принадлежат разным теориям и, соответственно, разным терминологическим подсистемам).

В дополнение к основным категориям, общим для всех текстов, современными исследователями подчёркивается способность реальных текстов проявлять категории, обусловленные коммуникативной спецификой различных сфер деятельности, причём изучение таких ситуационных категорий необходимо для всестороннего представления текста [Иргашева, 2011]. Рассмотрение аргументации как текстовой категории обуславливается и распространённым мнением о её реализации исключительно на уровне целостных текстов в процессе коммуникации, без возможности ограничения аргументации традиционными языковыми единицами с предшествующих уровней языка [Филиппов, 2003, с. 270] (однако существует и точка зрения о принадлежности аргументационного компонента системе языка, выраженная, в частности, в теории «радикального аргументативизма» [Anscombre, Ducrot, 1989]). Анализ способов ведения дискуссии, изложения доказательств и убеждения слушателей в научной коммуникации представляет естественный интерес при исследовании научного дискурса, но также следует отметить его прикладное педагогическое применение для усовершенствования методик развития языковой личности [Архипова, 2005].

В свою очередь, выявление аргументационной специфики разных жанров научной коммуникации и исследование различительной способности приёмов аргументации в передаче

жанровой специфики обретает особую значимость в контексте стилистики и конкретно проблемы разграничения и описания стилей, выявления связей между устойчивыми группировками текстов и изменчивыми наборами реализуемых в них языковых конструкций [Костомаров, 2005, С. 49—52]. Сведения об аргументационной организации текстов разных жанров, отражающей их смысловое структурирование в соответствии с прагматическими факторами в коммуникативной ситуации (ввиду направленности процесса убеждения на читателя), дополняют набор разноаспектных характеристик для типологизации текстов [Чаплина, 2009]. Типология текстов выступает одной из основных проблем лингвистики текста и даже выделяется в её самостоятельный раздел (по примеру лингвистической типологии языков) [Чернявская, 2009, С. 51—68]. Эта задача осложняется тем, что на характер текста влияют все его параметры в совокупности, в связи с чем научная типология текстов должна принимать во внимание признаки со всех уровней языковой системы (по аналогии с отмеченной типологией языков) [Левицкий, 2006, С. 202—205]. Анализ аргументационных структур в текстах научной коммуникации, направленных на доказательство излагаемых выводов, позволит оценить информативность показателей этого уровня в разграничении типов текстов.

Двуплановая природа аргументации (с одной стороны, как воздействие на мнение слушателя посредством доказательства некоторой идеи, с другой, как процесс достижения вывода путём построения логических связей в ходе мышления) обеспечивает её теоретическую актуальность в контексте обеих ключевых парадигм современной лингвистики: не только коммуникативной, но и когнитивной. Аргументационные структуры отражают мыслительные процессы, связанные с возникновением, языковой репрезентацией и передачей знания, которые находятся в фокусе внимания когнитологов [Кубрякова, 2012, с. 17]. Отдельное внимание когнитивной науки привлекает репрезентация знания в научной среде, специализирующейся на получении нового знания. В этом контексте исследуется как конструирование структур знания в научном дискурсе (в академическом, научно-популярном и научно-учебном типах) с учётом его прагматической специфики в организации сообщаемой информации для убеждения адресатов [Манерко, 2017], так и осмысление научной коммуникации субъектами науки из разных социальных групп [Белоусов, Гатаулин, Ерофеева, 2017]. Оба указанных аспекта проявляются в аргументационных структурах, анализируемых в представленной работе.

Соответственно, анализ формальных аргументационных структур в текстах научной коммуникации (в том числе в аспекте их компьютерной обработки) представляется актуальным в контексте широкого круга разделов фундаментальной лингвистики: прагматики, лингвистики текста, стилистики, типологии текстов и когнитивной лингвистики.

Однако ввиду сложности аргументации как языкового явления исследования по её компьютерной обработке активизировались сравнительно недавно (так, первая специализированная конференция по *Argument Mining* состоялась в 2014 г.). При этом такие работы обращены преимущественно к текстам на английском и других зарубежных языках [Lawrence, Reed, 2014]. Исследования по формальному анализу аргументации в текстах на русском языке представлены в ограниченном объёме, в частности, ввиду трудоёмкости создания корпусов с аргументационной разметкой текстов [Котельников, 2018]. Тем не менее, прикладная значимость компьютерной обработки аргументации обуславливает активную работу по созданию аргументационных корпусов русского языка в последние несколько лет: пример такого корпуса (содержащего сообщения в социальной сети) представлен в [Kotelnikov et al., 2022].

Таким образом, актуальность проведенного исследования проявляется в двух аспектах: теоретическом и методологическом. Теоретическая актуальность обуславливается важностью изучения формальной организации аргументации как явления прагматического языкового уровня в текстах на русском языке, в частности, в научных статьях (направленных на доказательство исследовательских выводов). Методологическая актуальность работы основывается на необходимости интеграции традиционных лингвистических подходов к изучению

аргументации и методов компьютерной обработки текстов для формального анализа структур доказательства и рассуждения с учётом языковой и жанровой специфики текстов научной коммуникации на русском языке. При этом лингвистическая сложность аргументации как прагматического явления обуславливает потребность в развитии и адаптации методов компьютерной обработки текстов, преимущественно применяемых для анализа более простых единиц иных языковых уровней (морфологического, лексического, синтаксического). Соответственно, моделирование и формальный анализ аргументационных структур обеспечивают возможность для расширения методологического аппарата лингвистики в целом.

Степень разработанности проблемы исследования. Ввиду сложности аргументации как языкового явления исследования по её компьютерной обработке (Argument Mining) образовали отдельное целостное направление с устоявшимся методологическим аппаратом сравнительно недавно (первая специализированная конференция по Argument Mining состоялась в 2014 г. [Lawrence, Reed, 2014]). Исследования в этом направлении обращены в основном к текстам на английском языке и таким жанрам, как юридические диспуты [Walker, Vazirova, Sanford, 2014], новостные статьи [Wachsmuth et al., 2018], политические дебаты [Lindahl, Borin, Rouces, 2019], онлайн-дискуссии [Hidey, McKeown, 2018]. Тем не менее, отдельные работы посвящены анализу аргументации в научных статьях, примером чего является статья [Green, 2015].

Исследования по компьютерной обработке аргументов в текстах на русском языке представлены в ограниченном количестве из-за недостаточного объёма доступных корпусов, как указано в [Котельников, 2018]. Впрочем, значимость темы обуславливает активную разработку аргументационных корпусов русского языка в последнее время: посредством перевода иноязычных корпусов [Fishcheva, Kotelnikov, 2019], через разметку научно-популярных статей [Сидорова и др., 2020] либо сообщений в социальных сетях [Kotelnikov et al., 2022]. Хотя научные статьи на русском языке ранее не становились объектом компьютерного анализа аргументации, известны исследования научно-популярных текстов, например, [Ким, Ильина, 2020], [Саломатина и др., 2020], [Zagorulko et al., 2020], [Ильина, 2023].

Объект проведенного исследования – аргументационные структуры в текстах научной коммуникации на русском языке (преимущественно научных статьях). Предметом исследования являются средства формальной организации элементов аргументации (утверждений, объединяющих их связей, типовых моделей рассуждения в основе этих связей) при доказательстве основной идеи целостного текста, обеспечивающей его смысловую связность.

Основная гипотеза исследования: формальный анализ аргументационных структур посредством интеграции сведений об их лингвистическом выражении (языковом оформлении утверждений) и их абстрактной логической организации (на уровне типовых моделей рассуждения в основе связей между утверждениями) позволяет выявлять составные приёмы и стратегии аргументации, характеризующие специфику доказательств в отдельных целостных текстах. На Рис. 1 показан пример искомого составного приёма: прямоугольные блоки содержат утверждения из конкретных текстов, овальные указывают на типовые абстрактные модели (схемы аргументации, элементарные приёмы), реализуемые при обосновании одних утверждений другими. Содержание утверждений различается между разными текстами (слева и справа), тогда как модели в связях между утверждениями совпадают. Одинаковы и их конфигурации в обрабатываемой структуре из трёх элементарных приёмов, и эта структура соответствует составному приёму аргументации.

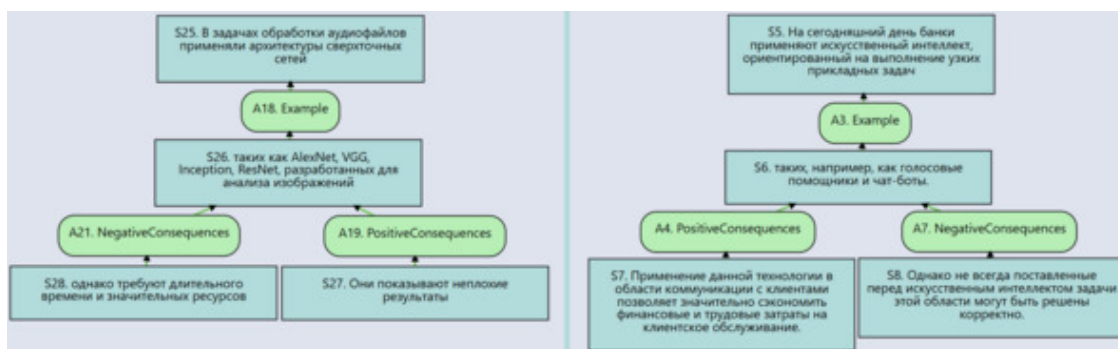

Рисунок 1 – Пример реализации составного приёма аргументации

В соответствии с основной гипотезой цель работы может быть сформулирована следующим образом: разработать и экспериментально проверить систему методов формального анализа аргументации в текстах научной коммуникации для распознавания и характеристики специфики доказательств в отдельных текстах на уровне как их языкового оформления, так и структурной организации. Под экспериментом в работе понимается практическое использование разработанных методов для компьютерной обработки текстовых данных из используемого корпуса с последующей оценкой эффективности методов на уровне как количественных показателей, так и содержательной интерпретации результатов их применения.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Определить теоретические основы для формального представления аргументации с учётом как традиционных лингвистических подходов к её анализу, так и специфики методов компьютерной обработки текстов.

2. Подготовить корпус текстов (научных статей на русском языке) с многоаспектной аргументационной разметкой (согласно обозначенным теоретическим принципам, причём под многоаспектностью понимается характеристика аргументации на уровнях утверждений, связей между ними, типовых семантических моделей в основе этих связей) для подготовки и проверки компьютерных методов обработки аргументации, выраженной на естественном языке. Создание корпуса предполагает разработку методологии многоаспектной разметки аргументации в научных статьях, которая повысит согласованность разметки текстов разными аннотаторами.

3. Реализовать набор методов компьютерного анализа аргументационных структур, где отдельные методы предназначены для решения следующих подзадач:

3.1. распознавания предложений, содержащих аргументацию, связей между этими предложениями и отдельных частотных элементарных приёмов (экспертная разметка используется для машинного обучения классификаторов, применяемых для распознавания, и автоматической проверки качества их работы);

3.2. выявления элементарных и составных приёмов аргументации из размеченных текстов с учётом их жанровой специфики в многожанровой коллекции;

3.3. обобщения цепочек рассуждения согласно функциональной близости образующих их моделей рассуждения;

3.4. оценки аргументов по выраженности методов убеждения;

3.5. распознавания элементов методов убеждения (пафос, этос) в аргументах из размеченных текстов;

3.6. выявления текстов со схожей организацией аргументации и ранжирования их по сложности рассуждений путём интеграции сведений об их аргументационной специфике во всех отмеченных выше аспектах;

3.7. жанровой классификации текстов на основе сведений о реализованных в них приёмах аргументации.

4. Экспериментально проверить реализованные методы на подготовленном корпусе текстов, интерпретировать результаты и обозначить особенности построения аргументации в текстах научной коммуникации на русском языке.

Материалом исследования выступает корпус из 11495 тезисов и 10123 аргументов, образующих структуры аргументации для 100 научных статей с ручной разметкой аргументации тремя экспертами (для каждого текста подготовлено по две версии разметки независимо двумя экспертами). Размеченные статьи принадлежат направлениям лингвистики и информационных технологий (по 50 статей обеих тематик), характеризуются объёмом от 800 до 2000 слов (без учёта аннотаций и библиографических списков). Публикация анализируемых статей в научных изданиях указывает на достижение ими академического уровня, достаточного для прохождения рецензирования. Разметка корпуса проведена по ходу исследования, в связи с чем на отдельных этапах задействованы ранние версии корпуса меньшего объёма. На отдельных этапах исследования (при анализе аргументации в текстах разных жанров) привлекаются данные из параллельно размечавшихся корпусов научных новостей и научно-популярных текстов.

Разметка аргументации проведена в соответствии со стандартом AIF [Rahwan, Reed, 2009] и классификацией типовых моделей рассуждения (схем аргументации) за авторством Дугласа Уолтона [Walton, Reed, Macagno, 2008]. Разметка проведена на трёх уровнях аргументации: выявление утверждений (высказываний с аргументацией, принадлежащих целостной структуре рассуждений в тексте), распознавание связей между утверждениями (что включает определение их ролей как посылок либо заключений в составе аргументов), указание типовых моделей рассуждения из заданного набора для связей (с помощью моделей, также называемых схемами, уточняется семантика перехода от посылок к заключению). Корпусы с разметкой доступны на платформе ArgNetBank Studio [Сидорова и др., 2020], аннотирование текстов осуществлено с помощью инструментов этой платформы.

Для оценки надёжности разметки проведён подсчёт количественных коэффициентов согласия аннотаторов на разных этапах создания корпуса. Использован разработанный в ходе согласия специализированный коэффициент аргументационного согласия (КАС), учитывающий многоуровневую специфику разметки аргументации, а также два универсальных коэффициента с учётом случайного согласия между разметчиками, каппа Коэна и альфа Криппендорфа. Значения коэффициентов подсчитаны для каждого уровня разметки (выявление утверждений, связей, схем, в том числе на уровне групп функционально близких схем). Полученные значения близки известным значениям согласия при разметке аргументации на материале английского языка.

Для решения поставленных задач на базе указанных материалов исследования применены методологические подходы разных групп:

1. анализа аргументации на основе дискурсивного подхода (выявление аргументов с учётом, во-первых, лексико-грамматических маркеров и особых синтаксических конструкций для представления рассуждений, во-вторых, абстрактных логических моделей их организации, в-третьих, контекста реализации аргументов в целостной структуре рассуждений полного текста);

2. корпусной лингвистики (создание аргументационных корпусов, методики разметки, разметка текстов, оценка согласия аннотаторов);

3. обработки естественного языка (морфологический анализ, построение поисковых шаблонов для маркеров аргументации);

4. машинного обучения (классификация и кластеризация текстов и их элементов, извлечение аргументации).

Теоретическая (источниковая) база исследования включает работы двух групп. Одну представляют труды по исследованиям и моделированию аргументации с позиций различных дисциплин: в первую очередь, на основе лингвистических подходов, но также и в рамках иных направлений (философии, риторики, формальной логики). Другую группу составляют работы по компьютерной обработке текстов на естественном языке (как в рамках специализированных исследований аргументации, так и для общих смежных задач, таких как автоматическая классификация текстов) и фундаментальные труды по анализу данных разных типов (например, работы с описанием алгоритмов кластеризации, применимых как к текстовым, так и иным данным).

Глава 1. Теоретические основы представления аргументации

Первая глава представленной работы обращена к проблеме определения теоретических оснований для моделирования и анализа аргументации, выражаемой средствами естественного языка. Рассматриваются две группы подходов к аргументационным исследованиям: традиционные лингвистические и формальные.

Первый раздел Главы 1 направлен на сопоставление различных лингвистических подходов к изучению аргументации. В пункте 1.1.1 рассматривается общая классификация взглядов на соотношение системы языка и аргументационных структур. В пунктах 1.1.2, 1.1.3, 1.1.4 представлены отдельные подходы к анализу аргументации с лингвистической точки зрения: теория семантических блоков Марион Карел (расширение радикального аргументативизма Жан-Клод Анскомбра и Освальда Дюкро), лингвокультурологическое моделирование аргументационной семантики Эддо Риготти и Андреа Роччи, социо-дискурсивная концепция Рут Амосси (на основе естественной логики Жан-Блез Гриза). Особое внимание в пункте 1.1.5 обращено к развитию аргументационной теории в отечественных исследованиях (от работ по «языку революции» до когнитивной модели Анатолия Николаевича Баранова и современного подхода Евгении Рафаэлевны Иоанесян).

Во втором разделе Главы 1 представлен обзор формальных средств для моделирования аргументации. Пункт 1.2.1 содержит описание модели Стивена Тулмина, позволяющей обозначать детализированный состав отдельных аргументов. В пункте 1.2.2 рассматривается теория риторической структуры за авторством Уильяма Манна и Сандры Томпсон (как ранее разработанная лингвистическая модель для анализа риторической связности текстов, потенциально применимая и к аргументационным отношениям). В пункте 1.2.3 описывается специальный формат для записи именно аргументационных структур (Argument Interchange Format). Этот формат поддерживает моделирование аргументации в соответствии с семантической теорией аргументационных схем Дугласа Уолтона, которая в настоящей работе охарактеризована в пункте 1.2.4.

1.1 Лингвистические подходы к анализу аргументации

В этом разделе рассматривается проблема соотношения аргументационных структур и выражающих их языковых средств (в терминах более общего вопроса о связях между лингвистикой и теорией аргументации). Указанная проблема проистекает из междисциплинарного характера аргументационных исследований, обуславливающего различия в определении базовых понятий [van Eemeren et al., 2004, С. 14—16]: так, теоретические перспективы для работы с аргументацией могут выстраиваться на основе риторики, формальной либо неформальной логики, когнитивной психологии и, наконец, лингвистики (в частности, в рамках дискурсивного анализа), чья методология оказывается особенно актуальной ввиду преимущественно языковой природы у средств выражения аргументации [van Eemeren et al., 2014, С. 479—516].

В частности, уже центральное понятие аргументации определяется по-разному в зависимости от теоретического подхода. Например, прагматико-диалектический подход Франца Еемерена основывается на деятельностном представлении аргументации с выделением трёх ключевых аспектов [van Eemeren, Grootendorst, 2004]: вербального (аргументация реализуется через применение языковых средств), социального (она предполагает обращение к иным участникам коммуникации, явное или неявное) и рационального (ориентирована на построение в первую очередь интеллектуальных доводов). Согласно третьему аспекту Еемерена, аргументационному анализу подлежит логическая структура доказательства (с прескриптивным разграничением корректных и некорректных доводов), тогда как эмоциональное воздействие в процессе убеждения считается нарушением интеллектуальной точности доводов. Указанное преобладание рационального компонента подразумевает сужение традиционной концепции Аристотеля о методах убеждения: согласно классификации, изложенной в «Риторике» [Аристотель, 1978], доказательство может выстраиваться как посредством цепочек рассуждения (что соответствует логическому аспекту, или логосу), так и через внушение доверия к говорящему (этос) либо воздействие на эмоции слушателей (пафос).

При этом Аристотель отдельно подчёркивает равную значимость всех трёх методов: уместность каждого метода (корректность или некорректность реализации в конкретной ситуации) определяется убеждаемой аудиторией и личностью говорящего. Так, эмоциональные аргументы сильнее воздействуют на юношей, чем логические, однако менее эффективны при обращении к возрастным слушателям. Доводы от личного авторитета убедительнее звучат у почтенного говорящего, чем у юного. Соответствие аргументации контексту конкретной коммуникативной ситуации отражается в аспекте её своевременности (кайросе), который обретает особую значимость в рамках аристотелевской модели ввиду его непосредственного влияния на проявление трёх других аспектов, в большей мере эмоционального и этического, но также и логического [Kinneavy, Eskin, 2000].

Так, при воздействии на чувства аудитории следует учитывать не только её эмоциональное состояние, но и ситуативные факторы, обуславливающие это состояние (для двух слушателей, раздражённых в одинаковой степени по разным причинам, могут потребоваться два разных способа обращения к их раздражению: например, для чувствующего себя обделённым человека эффективно акцентирование несправедливости, тогда как для обычно спокойного слушателя полезно указать на вынужденный, неординарный характер его раздражения). Схожим образом, при апелляции к статусности важно учитывать, кто и по каким причинам является авторитетом для аудитории, и даже при построении сугубо логических доказательств полезно оценивать степень восприимчивости к ним слушателей (например, в зависимости от уровня образованности аудитории могут быть наиболее иллюстративными логические построения меньшей или большей сложности). Таким образом, кайрос характеризуется определяющей ролью по отношению к итоговой эффективности аргументов (как соб-

ственно убедительности, так и, в зависимости от целей оратора, поучительности и полезности) в конкретной коммуникативной ситуации в определённый момент времени.

Ввиду рассмотрения эмоционального и этического компонента наравне с рациональным к классической концепции Аристотеля ближе определение аргументации, предлагаемое Хаимом Перельманом и Люси Олбрехт-Тытека в «Новой риторике» [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1969, с. 4]: «система дискурсивных техник, позволяющих обусловить или усилить поддержку слушателями представленного тезиса для их согласия с ним». Однако при подобном понимании аргументации никак не учитывается вербальный компонент, который Ф. Емерен выделяет в первую очередь. Тем не менее, языковой аспект эксплицируется в ином определении в рамках дискурсивного подхода: Рут Амосси представляет аргументацию как «управление ракурсом для восприятия реальности, воздействие на точку зрения и поведение посредством широкого спектра вербальных средств» [Amossy, 2009]. При этом Амосси подчёркивает, что при её формулировке аргументация как исследовательский объект оказывается полностью встроенной в расширенную лингвистическую парадигму (полную предметную область науки о языке без ограничения внутри дискурсивного анализа). Впрочем, в определении Амосси подчёркивается применение языка в рамках речевой деятельности (активное использование вербальных средств для управления ракурсом представления реальности), тогда как отдельным лингвистическим подходам свойственно выделение аргументации внутри системы языка. Например, согласно лаконичной формулировке Луизы Пуиг (в контексте теории семантических блоков, разработанной под сильным влиянием структурализма), «термин „аргументация“ обращён к связям между высказываниями» [Puig, 2012, с. 128].

Таким образом, любое определение аргументации как явления задаётся метаязыком теории, в терминах которой оно сформулировано.

1.1.1 Подходы к соотношению аргументации и языка как системы

Исследование аргументации с позиций лингвистической теории предполагает в первую очередь определение соотношения двух явлений: выражаются ли аргументационные структуры непосредственно на уровне языка (а следовательно, принадлежат его системе) либо же представляют собой отвлечённые логические или риторические конструкции, внешние по отношению к языковым средствам и их функционированию.

Сравнивая возможные подходы к обозначенному вопросу, французские лингвисты Жан-Клод Анскомбр и Освальд Дюкро разграничивают четыре класса взглядов на соотношение языка и аргументации, противопоставляемые по уровню признаваемой связи между обоими типами явлений [Anscombre, Ducrot, 1989]:

1. лингвистические структуры высказываний никак не связаны с их аргументационным функционированием (их использованием в построении и обосновании рассуждений);

2. аргументационные структуры не принадлежат системе языка, но их реализация зависит от базовых семантических свойств высказываний (к примеру, распределения пресуппозитивного и ассертивного содержания);

3. значение отдельных языковых выражений задаётся исключительно их использованием в аргументации (некоторые языковые конструкции наделены аргументационным содержанием, тогда как иные его лишены);

4. аргументационный аспект характеризует все языковые выражения: не существует полностью информативных высказываний, лишённых аргументационного значения (теория «радикального аргументативизма»).

1.1.1.1 Независимость аргументации от языкового выражения

Представление аргументации в отрыве от лингвистического аспекта отмечается, в частности, в подходах Яакко Хинтикка [Hintikka, 1989] и Чарльза Хэмблина [Hamblin, 1970]. Так, Хинтикка возражает против междисциплинарного разграничения формальных приёмов аргументации и стратегий их применения (вынесение таких стратегий из логики, отнесение к риторике или лингвистике считает некорректным): указывает на предпочтительность описания обоих типов явлений на общем строго логическом основании. В свою очередь, Хэмблин анализирует логические ошибки (*fallacies*) в аргументации, в связи с чем рассматривает проблему демаркации аргументов (к которым применима проверка на отсутствие логических ошибок) и неаргументативного содержания (для которого такая проверка нерелевантна). Например, указание на ненадёжность человека, высказавшего некий тезис, не является логической ошибкой, если выдвигается как изолированный комментарий, а не как посылка к заключению о некорректности этого тезиса. Согласно Хэмблину, подобные отношения между аргументами проявляются на уровне их формальной организации, логическая точность которой лишь в ограниченной мере отражается языковым выражением (рассуждение, аккуратно организованное в лингвистическом плане, может являться логически несвязным, и наоборот). Соответственно, в рамках указанного подхода анализ аргументации предполагает переход на уровень логической структуры, абстрагирование от языкового оформления.

Таким образом, согласно первой группе подходов к представлению аргументационных структур в дискурсе предполагается, что эти структуры соотносятся непосредственно с фактами реальности, а не с высказываниями, отсылающими к этим фактам. Под высказыванием понимается реализация некоего предложения естественного языка в процессе коммуникации. Так, высказывание *U*, реализующее предложение *P*, приводит к заключению *C* в том случае, если *U* указывает на факт *F*, а участники дискурса имеют основания полагать, что *C* истинно в случае *F*. Соответственно, при таком представлении между высказыванием *U* и заключением *C* нет прямой связи, а принадлежащее естественному языку предложение *P* рассматривается только в аспекте его применения в процессе коммуникации.

Указанная точка зрения свойственна аналитической традиции в анализе аргументации: структуры убеждения рассматриваются как строго логические, а следовательно внеязыковые конструкции. При данном подходе различные проблемы языкового выражения аргументации (например, лингвистическая неоднозначность предложений, которые допускают несовместимые варианты интерпретации их соотношения с фактами реальности) отграничиваются от проблем собственно анализа аргументации и выводятся из рассмотрения.

1.1.1.2 Влияние базовых семантических свойств на аргументацию

Однако, как показывают Хаим Перельман и Люси Олбрехт-Тытека в теории новой риторики, заключения могут основываться не только на самих фактах, но и на интерпретируемых намерениях говорящих коммуницировать данные факты посредством отсылающих к ним высказываний [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1969, с. 123—126]. Акцент на намерении как на основе аргументации (соответственно, и ситуации дискурса) проявляется особенно наглядно при реализации ряда риторических фигур, таких как аллюзия: эмфатическое выделение значимого события или культурного факта через их не прямое указание способно подчеркнуть духовную общность говорящего и слушающих, поддержать убедительность его выводов [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1969, с. 171—179]. В подобных аргументационных конструкциях способность *U* выражать *F* зависит по меньшей мере частично от лингвистической структуры предложения *P* в основе *U* (как высказывания в процессе коммуникации, заданного выбранными языковыми выражениями).

1.1.1.3 Аргументационная роль отдельных языковых выражений

При этом Анскомбр и Дюкро демонстрируют, что некоторые языковые выражения могут приносить аргументационное содержание в высказывания независимо от ситуативных особенностей их употребления. Так, коннективы вида «поэтому», «следовательно», «так как» указывают в любой коммуникативной ситуации, что факты, вводимые через одно высказывание, подразумевают истинность фактов, к которым отсылает другое утверждение на естественном языке. Такие коннективы также подчёркивают двойственную связь между обеими парами «высказывание и факт» (на уровне как синтаксиса, так и логической структуры). Следствием отмеченной тенденции является возможность разграничить конструкции с аргументационным значением и строго информативные выражения, не обладающие таким значением.

1.1.1.4 Теория радикального аргументативизма

Однако по итогам анализа предполагаемых языковых единиц из второй группы (строго информативных) Анскомбр и Дюкро приходят к выводу, что в применении даже наиболее нейтральных из них (с предельно общим, элементарным значением) отмечаются явные аргументационные ограничения. В частности, союз «и» не может связывать два противоречащих друг другу высказывания, тогда как добавление артикля «un» способно изменять аргументационный потенциал утверждений (их роль в дальнейшем развитии дискурса): заявления «Pierre a peu travaillé» и «Pierre a un peu travaillé» передают противоположные оценки («Пьер мало поработал» и «Пьер чуть поработал»).

При этом сочетаемость выражений в аргументационных конструкциях задаётся выбором не только служебных, но и знаменательных слов. Например, хотя утверждения «Pierre est aussi grand que Marie» («Пётр столь же высок, как и Мария») и «Pierre a la même taille que Marie» («Пётр того же роста, что и Мария») передают одно фактическое содержание (о соотношении роста Петра и Марии), только второе из них доступно для стилистически нейтрального применения в обосновании тезиса «Pierre n'est vraiment pas grand pour son âge» («Пётр не так высок для своего возраста»). В частности, во втором утверждении Пётр и Мария сопоставляются по нейтральной шкале роста, тогда как в первом им обоим приписывается позитивное выражение признака высокого роста. Как следствие, в рассуждении вида « [Пётр не так высок...], потому что [Пётр так же высок...]» возникает противоречие между посылкой, отсылающей к выражению признака, и заключением, опровергающим выражение этого же признака. Такое обоснование передаёт неотъемлемый иронический компонент, который маркирован стилистически и состоит в описании человека посредством качественного прилагательного, указывающего на несвойственный этому человеку признак.

В связи с выявленной тенденцией Анскомбр и Дюкро формулируют концепцию радикального аргументативизма, согласно которой семантика предложений полностью задаётся выбором и представлением фактов с аргументационной точки зрения. Такой выбор проявляется уже на уровне применяемых слов: к примеру, два варианта описания объекта, как «дорогого» либо «дешёвого», отсылают к различным наборам понятий – «дороговизне» либо «дешевизне». При развитии дискурса для первого набора могут актуализироваться максимумы вида «чем вещь дороже, тем она качественнее» или «чем вещь дороже, тем хуже сделка» (в зависимости от отношения говорящего), тогда как для второго набора акцентируется отрицание воззрений о дешевизне (которые основываются на максимумах со схожей структурой, а именно на попарном сопоставлении оценочных шкал).

Такие подразумеваемые воззрения, не выражаемые в дискурсе явно, но обеспечивающие смысловую связность текста, Анскомбр и Дюкро называют топосами (по аналогии с концепцией Аристотеля). При этом, согласно их определению, любой топос можно представить как соотношение нескольких оценочных шкал: к примеру, «чем усерднее работаешь, тем больше

зарабатываешь» или «чем усерднее работаешь, тем сильнее устаёшь». Смысловое содержание каждой шкалы обуславливается тогда её связями с другими шкалами (в соответствии с парадигмой структурализма и концепцией «значимости» Соссюра [Соссюр, 1999], в частности). В свою очередь, лексическое значение единиц языка сводится к системе потенциально актуализируемых ими топосов: например, предикат «работать» может быть представлен через уточнение отношений внутри пространного набора шкал (вкладываемых усилий, получаемой выгоды, усталости, образованности...).

Таким образом, согласно концепции радикального аргументативизма, любой текст на естественном языке выражает аргументационное значение. Подобный неотъемлемый компонент проявляется при уточнении ракурса представления излагаемых сведений на уровне как выбираемых лексических средств, так и их интеграции в единое смысловое целое через предпочтение тех или иных синтаксических структур.

1.1.2 Теория семантических блоков

Развитием и уточнением концепции радикального аргументативизма является теория семантических блоков, разработанная Марион Карел [Carel, 1995]. Эта теория основывается на переосмыслении понятия топоса как элементарной семантической единицы при аргументационном представлении любых лексических значений. Если в модели Анскомбра и Дюкро исходным считается непротиворечивое соотношение смысловых шкал (противопоставленные воззрения «чем человек богаче, тем больше его любят» и «чем человек богаче, тем меньше его любят» соответствуют разным топосам), то Карел указывает на смысловую общность в основе подобных сопоставлений, различающихся по заявленной оценке. Например, если в значении слова «богатство» в системе языка выражается воззрение «чем человек богаче, тем он счастливее», то утверждение вида «чем сильнее Пьер богатеет, тем несчастнее он становится» не будет, согласно теории Карел, отсылать к принципиально иному значению: наоборот, оно продолжает реализовывать исходный смысловой компонент, поскольку при описании ситуации подразумевается её нетипичный характер (который потерял бы актуальность для языка, где понятия богатства и счастья изначально не соотносятся). Иначе говоря, Карел акцентирует внимание на общем основании сопоставления, описывая через него семантический блок как всю совокупность потенциальных сопоставлений на этом общем основании, а Анскомбр и Дюкро, игнорируя общее основание сравнения, фокусируются на случаях согласованности или противоположенности оценочных шкал.

Таким образом, элементарной смысловой единицей в системе языка при подходе Карел становится семантический блок – набор потенциальных аргументационных связей между соотносимыми понятиями, чьё содержание задаётся именно их взаимной зависимостью. Как следствие, описание значения отдельного слова, синтагмы или предложения подразумевает выявление аргументационных связей, допускаемых этой единицей (согласно определению Луизы Пуиг [Puig, 2012], использующей теорию семантических блоков при анализе романских языков). Такие связи, выявляемые через анализ аргументации, и отражают смысловую зависимость языковых единиц: употребление одной подразумевает указание другой при раскрытии и неявном обосновании точки зрения на описываемые внеязыковые реалии.

Следует отметить, что отношения между внеязыковыми реалиями и лингвистическими единицами полагаются в теории семантических блоков исключительно опосредованными: лексические значения рассматриваются в их ограниченности аргументационным потенциалом (применимостью в различных схематизациях действительности через использование языковых конструкций: изложение, обоснование, оценку тех или иных точек зрения). Указанный подход

к представлению лексических значений сближает теорию семантических блоков (на уровне философских оснований) с концепцией Витгенштейна, согласно которой значение слова соответствует его употреблению в языке [Витгенштейн, 1994, с. 99].

Как следствие, теория семантических блоков, являясь развитием концепции радикального аргументативизма с переосмыслением элементарной смысловой единицы (ввиду перехода от отдельного оценочного воззрения к набору потенциальных аргументационных связей), сохраняет идею Анскомбра и Дюкро о тесной связи языковых выражений и аргументационных значений.

1.1.3 Анализ аргументации в выявлении ключевых слов культуры

Альтернативный подход к анализу лингвистической семантики в терминах аргументационной теории предлагают Эддо Риготти и Андреа Роччи, италяязычные исследователи из Университета Лугано. В работе [Rigotti, Rocci, 2005] они обращаются к проблеме выявления ключевых слов для заданной языковой культуры, основываясь на формулировке задачи Анной Вержбицкой. Хотя А. Вержбицкая утверждает, что объективной процедуры для определения ключевых слов в какой-либо культуре не существует [Wierzbicka, 1997, с. 6], Э. Риготти и А. Роччи описывают способ формальной проверки, является ли некое слово ключевым для соответствующей культуры, посредством анализа возможных ролей этого слова в аргументативных текстах.

Так, авторы [Rigotti, Rocci, 2005] определяют исследуемый объект как лексические выражения, указывающие на внутреннее устройство культуры в целом, на её основополагающие воззрения, ценности, традиции и институты. Согласно Э. Риготти и А. Роччи, культурная значимость таких ключевых слов проявляется особенно явно в их расширенном потенциале (по сравнению с иными словами) для реализации в ценностных суждениях, а именно в их активном применении в роли среднего термина внутри энтимем для ведения доказательств, опирающихся на ценностные ориентиры общества. Так, под энтимемами здесь понимаются неполные простые категорические силлогизмы (логические структуры с построением заключения на основе двух посылок), в которых при этом одна из посылок либо заключение пропускается, то есть выражается неявно. В свою очередь, средний термин связывает обе посылки в структуре силлогизма (содержится в них обеих, однако не входит в заключение). Как следствие, применение в этой роли ключевого слова культуры (семантическое поле которого расширяется чёткими ассоциативными связями, задаваемыми ценностными ориентирами общества) значительно облегчает восстановление слушателем пропущенной посылки (за счёт выявления соответствующей ассоциации для среднего термина) либо заключения (через распознавание точного характера связи между двумя явно выраженными посылками).

Примером аргумента такого типа, в котором неполнота выражения обуславливается предположением об очевидности подразумеваемой посылки, может служить выражение «X – предатель и, соответственно, заслуживает смерти». Анализ аргументационной структуры этого выражения позволяет выявить два явно представленных утверждения: «X – предатель» и «X заслуживает смерти». При этом переход от первого ко второму обеспечивается неявной апелляцией к посылке «предатели заслуживают смерти». Хотя такая характеристика не заключена в непосредственном лексическом значении слова «предатель» (среднего термина внутри аргумента), подразумеваемая очевидность посылки (выражение в пресуппозиции её культурно значимого содержания) свидетельствует об однозначной отрицательной направленности слова «предатель» (среднего термина в аргументе), а также о его культурной значимости ввиду неотъемлемой передачи ценностного компонента. Так, аргументационный потенциал ключевого слова и заключается в его тесной связи с таким оценочным компонентом (расширяющим значение этого слова для данной культуры). Важно отметить, что Риготти и Роччи рассматри-

вают случаи употребления энтимем для выражения имплицитно коммуницируемой информации, выводимой слушателем (импликатур): в этих случаях говорящий намеревается привлечь внимание слушателя к имплицитной части содержания (акцентируемой через неявное представление), а не, наоборот, старается скрыть манипулятивное воздействие через умалчивание некоторых сведений в основе логического перехода.

Следует отметить, что аргумент из приведённого примера окажется бессмысленным для культуры, в которой понятие «предатель» лишено подразумеваемого отрицательного компонента и не отсылает к общественным ценностям. В этой связи тезис о расширенном аргументационном потенциале ключевых слов культуры (а соответственно, ограниченной употребительности слов, не являющихся ключевыми) находит поддержку в исследовании Майкла Стаббса [Stubbs, 1996]. Так, посредством анализа политических речей британских консерваторов Стаббс демонстрирует, что выстраиваемые теми аргументы представляют при строгом рациональном рассмотрении цепочки *non sequitur*, или несвязанных утверждений. Осмысленность же этих речей обеспечивается не логической корректностью эксплицитно представленных рассуждений, а активным обращением к подразумеваемым ценностям через их представление в неявных посылках за счёт частого повторения одних и тех же слов.

При этом Риготти и Роччи подчёркивают, что актуализация отдельных понятий как ключевых (на уровне как общеязыковой культуры, так и для отдельных социальных групп) может сопровождаться явной формулировкой тезисов, которые впоследствии и подразумеваются при аргументационном применении этих слов. В качестве примера речи, трансформирующей значимость отдельного слова внутри целой культуры, исследователи приводят выступление Джорджа Буша от четвёртого апреля 2002 года, посвящённое политике США на Среднем Востоке. Речь президента организована вокруг тезиса «*Terror must be stopped*», для обоснования которого Джордж Буш приводит утверждения вида «*No nation can negotiate with terrorists*» и «*For there is no way to make peace with those whose only goal is death*». Между тем заявленные американским президентом характеристики не выводятся напрямую из лексического значения слов «*terror*» и «*terrorist*». Таким образом, раскрытие функционирования этих лексических единиц в американской культуре подразумевает выяснение их аргументационной роли в изначальной речи Джорджа Буша, а также и в общественном дискурсе впоследствии.

Указанная ориентированность на аргументационный анализ семантики непосредственно в коммуникативном пространстве отличает подход Риготти и Роччи от модели Дюкро и Анскомбра, в которой значения лексических единиц определяются на уровне их системных связей. Противопоставление структурализма и коммуникативной парадигмы, таким образом, отмечается и для аргументационных исследований внутри лингвистической теории. Кроме того, позиция Риготти и Роччи о качественном различии аргументационного потенциала ключевых слов культуры и слов, не являющимися ключевыми, близка третьей группе взглядов о соотношении языковых систем и аргументационных структур (по классификации Дюкро и Анскомбра).

1.1.4 Дискурсивный подход к аргументации в естественном языке

Иной альтернативой для концепции радикального аргументативизма, включающего аргументационный компонент в семантику языковых единиц (в первую очередь на лексическом уровне), выступает дискурсивный подход к лингвистическому анализу аргументации. Источником этого подхода является естественная логика Жан-Блез Грива [Plantin, 2003], название которой обусловлено её противопоставлением формальной логике: абстрактность формальной логики («отсутствие субстанции») уточняется через обращение к лингвистическим формам (предложениям и текстам), посредством которых логические схемы и выражаются при повседневном применении языка.

Так, согласно Гризу, все когнитивные и лингвистические операции, задающие организацию текста, выражают аргументационный компонент: как и в модели Анскомбра и Дюкро, любое высказывание признаётся выражающим некую точку зрения (которую говорящий схематизирует для слушателя). Тем не менее, для естественной логики аргументационные структуры проявляются именно при употреблении языка в реальных коммуникативных ситуациях: как следствие, дискурсивный подход к аргументации (развитие концепции Гриза в лингвистическом аспекте) ориентирован на анализ целостных текстов, или продуктов коммуникации, с учётом ситуативной специфики их создания.

В частности, как утверждает Рут Амосси при описании дискурсивного подхода [Amossy, 2009], аргументационный компонент не задаётся семантическими отношениями внутри системы языка, а выражается только в коммуникативной ситуации: способность отдельных языковых выражений отсылать к другим (на основе их смысловой сопоставимости) ограничивается условиями общения (жанром дискурса, обсуждаемой темой, статусом говорящего и слушающего, их заявляемыми и скрываемыми намерениями, интертекстуальным влиянием иных дискурсов...). Свободно варьирующиеся условия общения не могут быть зафиксированы в системе языка, а в свою очередь, они так же активно влияют на выбор говорящими языковых единиц, на их представление своих точек зрения, как и системные значения используемых языковых выражений.

Кроме того, как указывает Амосси, анализ аргументационных структур на уровне их текстовой реализации позволяет реконструировать формальную организацию применяемых доводов. Такое восстановление абстрактных схем, задающих переходы от одних утверждений к другим при раскрытии позиции говорящего, оказывается особенно важным при анализе связности текста как лингвистического целого. Однако и формальное строение аргументационных структур не может рассматриваться изолированно от языковых средств, их выражающих: согласно Амосси, именно сочетание обоих типов конструкций (логических и лингвистических) обеспечивает представление в тексте мнений и отношений, неотъемлемо характеризующих описание любой ситуации.

Соответственно, дискурсивный подход к аргументации на естественном языке представляет собой умеренное сочетание двух парадигм: формально-логической и лингвистической. Кроме того, этот подход отличает проведение анализа на уровне целостных текстов, что особенно актуально для представленного в этой работе исследования академической коммуникации. Так, согласно исходному положению о выражении аргументационных структур на уровне законченных текстов, в качестве материала для проведённого формального анализа аргументационных стратегий взяты полные тексты научных статей: каждая статья рассматривается как целостное, неразрывное доказательство ключевого тезиса в её основе.

1.1.5. Развитие аргументационной теории в отечественной лингвистике

При обращении к истории аргументационных исследований в отечественной науке необходимо отметить сравнительно позднее включение естественной языковой аргументации в предметную область лингвистики, указываемое Анатолием Николаевичем Барановым [Баранов А. Н., 1990, с. 1]. В его представлении вывод аргументационной проблематики из внимания отечественных исследователей был сопряжён с эксплицитной идеологизированностью, присущей советскому языкознанию. Так, после появления первых работ о средствах убеждения в языке революции, опубликованных в двадцатые годы, проблематика речевого воздействия практически не получала дальнейшего освещения вплоть до восьмидесятых.

В рамках исследования языка революции Афанасий Матвеевич Селищев обращается к динамике французского языка во время Французской революции, сравнивает её с новыми на тот момент времени тенденциями в русском [Селищев, 1928]. Он анализирует экспрес-

сивность и убедительность в языке публикаций, обращённых к широким слоям общества, изучает разные формы передачи эмоциональности ораторами революции (такие как тыканье, повторение, стремление к краткости речи через её прямолинейность). Селищев указывает на интенсификацию языковой деятельности в периоды социальных потрясений: разного рода патриотические общества и клубы революционной эпохи вовлекают всё больше участников, которые из идеологических потребностей регулярно упражняются в ораторском искусстве для привлечения новых сторонников и в ходе митингов, массовок, съездов и заседаний. Автор также отмечает историческое преимущество русского революционного языка над французским: последний характеризовался резким разрывом с предшествующим салонным языком (полному устоявшимся, практически канонизированным изящным форм), тогда как литературный русский язык 19 века уже хорошо подходил для выражения самых сложных и утончённых общественных реалий и требовал только дальнейшего обогащения новыми выражениями. При таком различии в отношении революционных языков к прежним доминирующим нормам Селищев подчёркивает преемственность средств языкового воздействия русскими революционерами от французских предшественников, в особенности в аспекте эмоционального влияния.

Актуальность изучения языка революции для формирующегося нового общества оказывалась сопряженной с задачами повышения убедительности агитации и противодействия неблагонадёжной полемике. Так, Лев Петрович Якубинский анализирует рефлексию Владимира Ильича Ленина о воздействии на общественную точку зрения [Якубинский, 1926] и концентрируется на «революционной фразе» как ключевом понятии в его полемическом арсенале. «Революционная фраза» рассматривается как этап исторического развития революционного лозунга, его перерождение и вырождение в отрыве от объективных обстоятельств. Важность связи лозунга и социальных реалий в авторской интерпретации Ленина обуславливает необходимость анализа политических высказываний в их конкретном применении, иными словами, учёта их прагматического компонента. Акцентируется деятельностный характер убеждающего лозунга: его применение представляет собой целенаправленное действие и неразрывно связано с конкретной ситуацией, на уровне которой и сформирована цель. Так, провозглашение лозунгов без учёта общественных потребностей уменьшает их эффективность в воздействии на общественную точку зрения и может привести к появлению отторжения к отстаиваемым тезисам. Привязанность лозунга к реальной ситуации проявляется в различных аспектах, в том числе экспрессивном: уменьшение резкости выражений и применение более аккуратных формулировок, балансирующих между интересами разных сторон, может привести к разрыву этой связи, когда лозунг перестаёт отвечать требованиям действительности. Однако сама по себе эмоциональность высказывания не тождественна его прагматической надёжности: наоборот, экспрессивные призывы, оторванные от социальных реалий, способны успешно вводить людей в заблуждение, ввиду чего явно обозначается актуальность выявления и противодействия неблагонадёжной агитации. В соответствии с этим Якубинский формулирует типы возможных уловок для введения в заблуждение: притворная самоидентификация оратора с аудиторией, умалчивающая эвфемистичность стиля и дистанцирование высказываемых лозунгов от контекста иных высказываний в общественной дискуссии.

Стоит отметить, что общественный спрос на изучение агитационных механизмов мотивировал и более общие теоретические исследования языковой стороны убеждения. Так, в работе [Якубинский, 1986] автор указывает на диалогическую природу ораторской речи и активную вовлечённость убеждаемой аудитории в процесс воздействия на её точку зрения. Подчёркивается роль невербальных условий коммуникации на эффективность аргументации: слушатель, лучше видящий оратора, скорее и более полно воспримет его тезисы.

Тем не менее, ввиду общественной ситуации и положения дел в гуманитарных науках отечественные исследования аргументации не получали системного развития на протяжении нескольких десятилетий. Впрочем, значимость аргументации как языкового явления

обусловила постепенное возвращение исследовательского внимания к её отдельным аспектам. Так, Юрий Николаевич Караулов рассматривает языковые средства убеждения в терминах характеристики ими языковой личности [Караулов, 2010, с. 245—258]. Автор указывает, что логическая или содержательная ограниченность аргументов могут успешно компенсироваться их лингвистическим воплощением, например, за счёт сочетания разнообразных языковых средств оформления (как лексико-грамматических, так и более сложных, таких как изменение модальности или стилистической окраски, метафоризация, движение интонационного контура). При этом особенно информативными в характеристике языковой личности Караулов полагает понятия ценностного поля, как актуализируемые в процессе аргументации, так, и наоборот, последовательно избегаемые на протяжении различных коммуникативных ситуаций.

Наиболее значимым трудом в истории отечественных исследований по естественно-языковой аргументации выступает докторская диссертация Анатолия Николаевича Баранова [Баранов, 1990], также являющаяся первой систематизирующей работой в данной области. Его методологический подход к изучению аргументации сформирован в рамках когнитивной парадигмы: согласно Баранову, «...лингвистическое изучение аргументации следует рассматривать как часть общей модели мышления и коммуникативной деятельности человека...» [Баранов, 1990, с. 4]. В соответствии с этим, автор отмечает двойственную природу исследуемого явления и разграничивает аргументацию как комплекс языковых средств для воздействия на поведения человека и как отдельный тип дискурса с особыми коммуникативными и иллюкативными целями. Речевое воздействие тогда понимается как совокупность процедур онтологизации знания (ввода новых знаний и модификации уже имеющихся в модели мира адресата) путём применения определённых языковых выражений в процессе коммуникации.

В рамках когнитивной методологии Баранов выделяет два типа аргументации, способные сочетаться в одном речевом акте. Номинативная аргументация заключается в навязывании адресату концептуальных рамок восприятия ситуации, причём фиксирование этих рамок осуществляется используемыми языковыми выражениями. В свою очередь, интегративная аргументация предполагает иерархическое структурирование передаваемых смыслов по важности, что зачастую подразумевает манипулирование распределения сведений между пропозицией и пресуппозицией. Таким образом, воздействие на адресата может обеспечиваться как иллюкативной семантикой внутри конкретного речевого акта, так и оценочными смыслами в лексическом значении используемых слов. Степень интенсивности оценочных смыслов разных типов (количественных, прототипических, целевых, общих) служит основанием для ранжирования языковых выражений посредством оценочной шкалы.

Отдельно следует отметить предложенную Барановым классификацию аргументационных маркеров: обоснование тезиса может сопровождаться ссылкой на источник (авторитет, общеизвестность, предшествующий контекст), апелляцией к адресату, ссылкой на очевидность или ирреальной отсылкой к гипотетической ситуации. Автор выделяет и дополнительные классы аргументационных маркеров: структурирующие процесс аргументации и экземплификаторы (показатели примеров). Такая классификация близка иным зарубежным подходам к семантико-функциональной классификации аргументов (например, классификации Дугласа Уолтона). В целом, характеризуя аргументационную теорию Баранова, следует подчеркнуть его ключевой акцент на взаимодействии языковых структур в актах убеждения и общих механизмов мышления.

Среди современных отечественных работ по аргументационной теории ключевое место занимают труды Евгении Рафаэлевны Иоанесян. Её подход к представлению аргументации основан на работах французских лингвистов, в частности, Жан-Клод Анскомбра и Освальда Дюкро. В рамках этого подхода аргументативная сила высказывания рассматривается как неотъемлемый компонент его смысла: значение высказывания определяется влиянием на себе-

седника, ориентированием его внимания в определённом направлении (что близко упомянутому определению аргументации у Рут Амосси). Следует подчеркнуть приоритет аргументационного значения над информационным: «во многих случаях информативность высказывания является в действительности вторичной по отношению к аргументативному значению: часто целью локутора является не сообщение о каком-либо факте, а оказание давления на адресата, на его представления, мнения, действия» [Иоанесян, 2023, с. 186].

Иоанесян также акцентирует исключительную роль лингвистики среди иных дисциплин в анализе аргументации: аргументативное функционирование высказывания зависит от его лингвистической структуры, а не только заложенного информационного содержания; как следствие, при анализе аргументативного дискурса необходимо фокусироваться на лингвистическом оформлении высказываний, а не экстралингвистической риторике или логической организации рассуждений. Иными словами, «аргументация целиком и полностью принадлежит уровню речи» [Иоанесян, 2023, с. 165]. В соответствии с акцентированно лингвистическим ракурсом данного подхода, работы Иоанесян обращены к аргументативному функционированию конкретных языковых единиц, таких как предикаты или союзы разных типов, кванторные единицы, маркеры статуса предложения.

Таким образом, отечественные подходы к исследованию аргументации характеризуются гармоничным сочетанием самобытной оригинальности и одновременным вниманием к международному опыту. При этом нужно отметить, что их специализация в рамках фундаментальной лингвистики ограничивает возможность опоры на рассмотренные работы в прикладном исследовании по компьютерной обработке аргументации – области, практически не представленной в отечественной науке, но активно развивающейся за рубежом.

1.2 Формальное моделирование аргументационных структур

Представление аргументации как сложной структуры – неразделимого сочетания утверждений, выражаемых языковыми средствами, и абстрактных схем убеждения для перехода между такими лингвистически оформленными пропозициями на уровне целостного связного текста – подразумевает анализ как отдельных тезисов, так и отношений между ними. Тезисы представляют собой утверждения в составе аргументации, собственное значение которых дополняется значением на основе контекста, образуемого системой аргументационных отношений (связей) между утверждениями. Тезисы, объединяемые аргументационными связями в общую структуру рассуждения, используются говорящим для представления определённой точки зрения. Соответственно, реконструкция аргументационных структур заключается в их формальном описании посредством абстрактной модели, причём построение такой модели делает возможной компьютерную обработку аргументации [Peldzus, Stede, 2003].

В частности, формальное представление аргументационных структур для их обработки компьютером может осуществляться в рамках решения двух методологически различных задач:

1. уточнение метаязыка описания аргументации с целью эффективной обработки рассуждений и доказательств в системах искусственного интеллекта, в том числе многоагентных;
2. компьютерный анализ аргументации в тексте на естественном языке с целью выявления целостной системы тезисов и организующих их связей, обеспечивающих эффект убеждения.

В контексте постановки и решения первой задачи особенно влиятельной является модель Стивена Тулмина, основанная на представлении отдельных аргументов посредством шести связанных компонентов [Toulmin, 2003]. Ещё одно направление сформировалось в развитии области прикладных исследований по автоматическому анализу тональности (сентимент-анализу). Расширение исходной задачи (определения эмоциональной окраски текстов) посредством постановки акцента на раскрытии авторских обоснований выявляемых оценок произошло сравнительно недавно: первый специализированный семинар по методам машинного извлечения аргументации был проведён лишь в 2014 году, тогда как иные более ранние работы представлялись в журналах и на конференциях по смежным тематикам [Lawrence, Reed, 2019].

.
. .

1.2.1 Аргументационная модель Стивена Тулмина

1.2.1.1 Анализ аргументации как процесса обоснования мнения

Античным работам по логике и аргументации свойственно неявное предположение о структурном параллелизме убеждающей речи и процесса рассуждения (а этот процесс представляется как последовательное выведение новых заключений на основе некоторого числа исходных посылок): так, Аристотель говорит о предметной общности риторики и диалектики, основывая единство этих дисциплин на предполагаемой непосредственной связи между принципами логики и человеческого мышления, которые как универсальное средство постижения действительности организуют любое обсуждение или спор [Аристотель, 1978, С. 15—19]. Из возражения такому предположению исходит Стивен Тулмин, формулируя в своих аргументационных исследованиях тезис о ретроспективном характере аргументации: доводы

в поддержку доказываемого утверждения не задают предварительно его содержания, но определяются впоследствии на основе высказываемого мнения для его верификации [Toulmin, 2003, с. 6]. Соответственно, согласно модели Тулмина, такие доводы не являются функционально самостоятельными: они осознаются говорящим только в составе целостного аргумента на основе его понимания.

Таким образом, центральным для аргументационной модели Тулмина выступает понятие обоснования (*justification*, в противовес процессу вывода, *inference*), что наглядно отражено в представленной структуре аргумента. Так, убеждающее целое образуется шестью компонентами, разделяемыми по двум триадам согласно обязательности или факультативности их реализации при построении аргумента. Компоненты первой группы – утверждение, довод и основание; вторая группа содержит поддержку, опровержение и определитель.

1.2.1.2 Шесть составляющих аргумента по Тулмину

С. Тулмин определяет обязательные и факультативные компоненты в составе любого аргумента следующим образом [Toulmin, 2003, С. 87—131]:

1. утверждение (*claim*) понимается как непосредственно доказываемое содержание аргумента, а соответственно выступает его центральной исходной частью;

2. довод (*datum*) выявляется через анализ окружения утверждения как приводимое для его обоснования доказательство;

3. основание (*warrant*) обеспечивает переход от довода к утверждению за счёт объединения в своём смысловом поле элементов как первого, так и второго, причём в отличие от них может зачастую выражаться неявно (подразумеваться без словесной формулировки);

4. поддержка (*backing*) проявляется во взаимосвязи с основанием как его уточняющее раскрытие, предназначенное для усиления убедительности всего аргумента (в особенности если переход от довода к утверждению не выражается явно, например, во избежание избыточности);

5. опровержение (*rebuttal*) выражает признаваемые ограничения аргумента (к примеру, возможность альтернативного объяснения рассматриваемой ситуации, несовместимого с центральным утверждением аргумента);

6. определитель (*qualifier*) определяется как модальный показатель силы основания (а именно прочности логической связи между утверждением и доводом).

Взаимоотношение шести компонентов может быть проиллюстрировано следующим примером за авторством Тулмина [Toulmin, 2003, с. 117], где выстраивается аргументационная модель для выражения вида «*поскольку Анна – сестра Джека, а все его сёстры рыжие, то у неё, скорее всего, рыжие волосы, если она их не перекрасила*»:

1. утверждение: «*у Анны рыжие волосы*»;

2. довод: «*Анна – сестра Джека*»;

3. основание: «*любая сестра Джека наделена рыжими волосами*»;

4. поддержка: «*ранее наблюдалось, что все сёстры Джека рыжие*»;

5. опровержение: «*если Анна не перекрасила волосы*»;

6. определитель: «*скорее всего*».

Приведённый пример показывает возможность реализации всех шести компонентов в составе конкретного аргумента. Между тем обязательными для функционирования аргумента является выражение лишь утверждения, довода, а также основания – которое, как подчёркивает Тулмин, может задаваться неявно: подразумеваться без языкового оформления. Так, конструкция вида «*у Анны рыжие волосы, потому что она сестра Джека*» уже представляет собой полноценный аргумент: говорящий обосновывает утверждение о цвете волос

Анны через указание её родственной связи с Джеком, причём полагает связь двух этих характеристик очевидной.

Как следствие, возможность неявного выражения в аргументе одного из трёх обязательных компонентов означает, что в модели Тулмина аргументом является любое сочетание утверждения и довода в его поддержку: приведение доказательства для любой заявляемой позиции подразумевает построение аргумента. При этом выделение четырёх иных компонентов позволяет более точно формализовывать содержание отдельных аргументов. Однако единицей анализа при подходе Тулмина служит именно изолированный аргумент: в его теории не задаются специальные структуры для моделирования связей между несколькими самостоятельными аргументами.

1.2.1.3 Критика аргументационной модели Тулмина

Шестикомпонентная модель аргумента, представленная С. Тулминым в 1958 году, оказала значительное влияние на привлечение исследовательского внимания к формальному анализу аргументации. Между тем разработка этой концепции проводилась преимущественно с теоретических позиций, тогда как прикладное применение модели Тулмина для моделирования аргументации (в том числе её компьютерной обработки) продемонстрировало ряд сложностей в представлении аргументационных структур, встречающихся в текстах на естественных языках. Так, в работе [Peldzus, Stede, 2003] Андреа Пелджус и Манфред Сид характеризуют три функциональных неясности в компонентах Тулмина.

Во-первых, как отмечают Пелджус и Сид, разграничение основания и поддержки оказывается на практике избыточным. Поддержка в модели Тулмина дополняет переход от довода к утверждению – указывает на корректность такого перехода внутри конкретного аргумента. Однако в естественных текстах релевантность приводимого доказательства может раскрываться рекурсивно: как через введение новой поддержки (либо параллельной исходной, либо наоборот, её уточняющей), так и через ограничение области действия изначальной (средством реализации внутреннего опровержения или определителя, который функционально соответствует аналогичному компоненту на уровне полного аргумента). Тогда при обработке подобных сложных структур удобнее представлять поддержку как элемент иного полноценного аргумента (где она служит доводом, а основание исходного аргумента – утверждением). Впрочем, доступность этого представления для расширенной поддержки означает и его применимость для стандартного компактного случая, выделенного Тулминым: так как поддержка обосновывает применимость основания внутри аргумента, их отношение функционально близко связи между утверждением и доводом. Некоторое различие в структурном контексте (основание и поддержка полагаются вспомогательными к утверждению и доводу, которые передают непосредственное содержание аргумента) уравнивается тогда предпочтением единообразного представления поддержки при её как компактной, так и рекурсивной реализации.

Во-вторых, согласно Пелджусу и Сиду, функциональные компоненты Тулмина не поддерживают разграничение двух видов прагматического воздействия на аргумент: со стороны говорящего либо его собеседника. В рассматриваемой модели не учитывается возможная активность иных участников коммуникации, что значительно затрудняет моделирование диалогического дискурса. В частности, опровержение аргумента может соотноситься как с собеседником (реальным либо вымышленным) и его внешней атакой на доказательство (автор которого вследствие признаёт ограниченность аргумента), так и с самим говорящим в рамках сложной убеждающей структуры: аргументация в естественных текстах способна строиться через приведение возможных возражений с их последующим опровержением от самого автора. В исходной же модели Тулмина не предусмотрены средства для уточнения специфики опровержения.

В-третьих, как обозначают Пелджус и Сид, при анализе аргументов как самостоятельных конструкций из некоего отдельного утверждения и его обоснования (через иные компоненты, ограниченные доказательством) из внимания ускользает более сложная макроструктура аргументации – аргументационное окружение, а именно связи между аргументами в процессе коммуникации. Две ранее обозначенные сложности являются следствиями ограничения фокуса внимания только изолированным аргументом как единицей анализа: рекурсия в процессе доказательства, как и диалоговая специфика отдельных компонентов проявляются на уровне макроструктуры аргументации, которая в свою очередь выражается лишь на уровне связного целостного текста.

Как следствие, анализ Пелджуса и Сиды указывает на ограниченную применимость модели Тулмина в формальном представлении аргументации на уровне полных текстов. Детальное описание отдельных аргументов через разграничение шести компонентов выступает особенно информативным при подготовке ёмких доказательств, локализации логических ошибок в процессе убеждения. Однако анализ аргументации на основе положений дискурсивного подхода обуславливает предпочтительность других формальных моделей, которые поддерживают представление аргументов с учётом их взаимных связей внутри более сложной общей структуры.

1.2.2 Теория риторической структуры в анализе аргументации

1.2.2.1 Ключевые положения теории риторической структуры

Формальное представление структур аргументации на уровне полных текстов может строиться как в соответствии со специализированной моделью, разработанной с учётом их языковой специфики, так и на основе имеющейся лингвистической теории для описания текстовой связности (при условии её применимости для аргументационного анализа). Такую потенциально схожую модель, предназначенную для формального представления функциональных отношений между сегментами текста в прагматическом аспекте, представляет теория риторической структуры (TRC) за авторством Уильяма Манна и Сандры Томпсон [Mann, Thompson, 1988]. Так, эта теория применяется для анализа структурной организации текстов на уровне отношений их дискурсивных единиц. Следует отметить, что хотя TRC активно применяется на практике для анализа текстов на различных языках [Taboada, Mann, 2006a, 2006b], опыт использования этого метода на материале русского языка сравнительно невелик.

В частности, Мария Кирилловна Тимофеева, исследуя стили рассуждения в русскоязычных поэтических текстах в терминах TRC, указывает на возможность определения данной теории как «метода формального представления структуры рассуждения, реализованного в тексте» [Тимофеева, 2020, С. 116—120]. При этом структуры рассуждения реконструируются через анализ функционального назначения отдельных сегментов текста: для каждого такого целостного сегмента может быть определена цель его построения автором, а также его намеренный вклад как в содержание, так и в общую структурную связность текста (на уровне иерархических отношений между дискурсивными единицами, элементарными и составными) [Тимофеева, 2020, С. 109—137]. Таким образом, авторская интенция проявляется именно в совместной организации сегментов текста, их объединении внутри целостной структуры посредством риторических отношений из заданного однородного набора: одни и те же отношения могут применяться для связи и элементарных мыслей (в их языковом оформлении), и их сложными комплексами.

Следует отметить, что точный набор риторических отношений (как ключевой компонент TRC) определяется конкретной реализацией исходной концепции Манна и Томпсон, а именно её адаптацией под решаемую задачу. При исследованиях на материале русскоязычных тек-

стов ТРС применяется в различных направлениях: анализе когнитивных структур, например, для выявления речевых аномалий [Кибрик, Подлесская, 2009], изучении стилей рассуждения в художественных текстах [Timofeeva, 2021], а также компьютерной обработке языковых данных с целью уточнения моделируемого содержания посредством распознавания маркеров дискурса [Kononenko, Sidorova, Akhmadeeva, 2020], в том числе в текстах научного жанра [Бакиева, Батура, 2017; Chistova et al., 2019]. В соответствии с задачей для когнитивного и стилистического анализа выступает значимым детализированное представление риторических отношений (с расширением их списка в зависимости от жанра моделируемых текстов), тогда как для компьютерной обработки свойственно ограничение разнообразия в выделяемых структурах (в целях надёжного разграничения схожих связей).

Отмеченная вариативность ТРС как инструмента была запланирована Манном и Томпсон изначально. Естественным следствием служит анализ её применимости как для формального представления аргументационных связей в терминах риторических отношений, так и для упрощения аргументационной аннотации текстов на основе сведений об их риторической структуре (которая доступна для построения компьютером).

Оценивая возможную применимость ТРС к анализу аргументации [Peldzus, Stede, 2003], Андреас Пелджус и Манфред Сид подчёркивают удобное разграничение в исходной концепции Манна и Томпсон двух типов риторических отношений: предметных (отражающих связи между фактами реального мира, к примеру, отношение причины и следствия) и презентационных (которые автор текста применяет для активного воздействия на мнение адресата либо его отношение к некоему вопросу). Примерами отношений из второй группы можно указать приведение доказательства (*evidence*) либо раскрытие мотивации (*motivation*), причём именно презентационные отношения представляют основной интерес для моделирования аргументационных связей. Пелджус и Сид указывают также предпочтительность ТРС над другими моделями текстовой связности (такими как Segmented Discourse Representation Theory (SDRT), Discourse Lexicalized Tree-Adjoining Grammar и Dynamic Discourse Model) ввиду её направленности на прагматическое описание (обращения к интенциям автора без строгой зависимости от синтаксических структур и семантики, на уровне которых и осуществляется анализ связности в иных теориях – что менее актуально для моделирования аргументации как прагматического явления).

В частности, Эндрю Поттер дополнительно сопоставляет ТРС и SDRT в рамках аннотации текстов для компьютерного анализа аргументации [Potter, 2022]. Согласно его наблюдениям, характерное для SDRT представление дискурса через теоретико-истинностную семантику не позволяет достаточно полно описать интенции автора, лежащие в основе организации текста (которые являются ключевыми как для ТРС, так и для дискурсивного подхода к аргументационному анализу). По схожей причине менее предпочтительным, чем ТРС, для анализа интенционального аспекта в структуре связного текста является и подход на основе анализа эксплицитно выраженных дискурсивных маркеров преимущественно в лексическом аспекте (такой подход реализован при моделировании текстов в Penn Discourse Treebank) [Demberg, Schoman, Asr, 2019].

1.2.2.2 Соотношение аргументационной и риторической структуры

В свою очередь, аннотирование текстов на основе ТРС с целью перехода к аргументационному анализу предполагает ответ на вопрос о соотношении риторических и аргументационных структур (как в целостном представлении, так и на уровне отдельных сегментов текста и их отношений). Сформулировав отмеченную проблему в работе [Kononenko, Sidorova, Akhmadeeva, 2020], группа исследователей разграничивает эти структуры в системе трёх уровней дискурса:

1. жанрового (наивысший уровень, или суперструктура: соответствует композиционной и семантической организации полного текста);
2. риторического (отражает объединение в целостный текст линейных формальных сегментов с уточнением их функциональных связей);
3. аргументационного (представляет текст как реализацию аргументации, или системы обосновываемых тезисов, утверждений в их поддержку или опровержение, чьё содержание раскрывается взаимными отношениями).

Таким образом, риторическая структура текста анализируется в аспекте его линейной связности (на уровне цепочек смежных сегментов) и покрывает текст полностью, тогда как аргументационная структура выделяется поверх некоторого подмножества сегментов (чьи отношения характеризуются более узкой спецификой, а именно ролью воздействия на мнение адресата). Кроме того, как демонстрирует указанный коллектив авторов, процессы построения риторической аннотации (согласно принципам ТРС) и аргументационной (под конкретную задачу компьютерного анализа научно-популярного дискурса) различаются во многих значимых аспектах:

Во-первых, хотя оба типа аннотации основываются на сегментировании текста на элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ: предложения, клаузы, минимальные сегменты с пропозициональным содержанием), только ТРС предполагает объединение элементарных единиц в их более сложные комплексы (которые связываются теми же отношениями, что и элементарные единицы). Этот процесс итеративного вложения меньших единиц в большие обеспечивает построение риторической структуры в виде дерева (в математическом понимании) – ациклического связного графа, где между любыми двумя вершинами (текстовыми сегментами) доступен только один путь. Наоборот, при аргументационной аннотации все единицы выделяются на одном уровне, без объединения меньших сегментов текста в более крупные (поскольку их связи характеризуют аргументацию в содержательном аспекте, а не линейную организацию текста, как в ТРС). Кроме того, аргументационный граф не обязательно является деревом: одно утверждение может служить посылкой для двух разных заключений, тогда как заключение способно поддерживаться несколькими посылками (что обуславливает возможное существование множественных путей между двумя утверждениями в аргументации).

Во-вторых, между риторическими и аргументационными сегментами в общем случае нет однозначного соответствия. Дискурсивные единицы без аргументационного содержания могут игнорироваться при разметке аргументации. Цельный компонент аргумента (к примеру, отдельный тезис) способен на риторическом уровне разделяться на несколько единиц (если риторическое отношение между ними носит предметный характер, не отражает убеждающего воздействия). Элементарная же единица риторического уровня, наоборот, может разделяться на разные компоненты аргумента (например, в аргументе от экспертного мнения одной посылкой выступает указание авторитетного источника, тогда как другой – выражение им некоего мнения, причём эти посылки могут принадлежать одной клаузе).

В-третьих, в двух видах аннотации по-разному представляются маркеры дискурсивных отношений. При моделировании риторических структур они включаются в дискурсивные единицы, однако могут выводиться из текстовых сегментов при разметке аргументации (если не относятся к пропозициональному содержанию посылки или заключения). Поэтому даже формально совпадающие дискурсивные единицы в риторической и аргументационной структурах могут различаться границами в тексте.

В-четвёртых, отдельные дискурсивные маркеры способны различаться по релевантности для риторических и аргументационных структур. Так, частицы вида «именно», «только», «по крайней мере» не указывают на риторические отношения (в исходной версии ТРС), однако передают потенциальное аргументационное значение.

Данный список различий между двумя видами прагматических структур может быть дополнен замечаниями от Пелджуса и Стида [Peldzus, Stede, 2003]:

1. Хотя риторическая структура покрывает текст целиком (без допустимых пропусков), её отношения могут связывать несмежные сегменты текста только опосредованно (в составе более сложных сегментов, смежных между собой). В аргументационной же структуре, поддерживающей пропуски частей текста, допустимы непосредственные связи между линейно отдалёнными сегментами (к примеру, если тезис предваряется двумя разными доводами).

2. Риторическая структура покрывает оформленное содержание текста, а следовательно, составляется явно выраженными сегментами. Структура же аргументации способна включать подразумеваемые пропозиции, не сформулированные напрямую (например, в случае энтимем: раскрытие перехода в их основании, от неполной посылки к заключению, требует восстановления невысказанного компонента).

Как показывает сопоставление двух типов структур, при их схожести в прагматическом рассмотрении отмечаются и значимые различия в аспекте их функционирования. Такие различия проявляются при практическом описании риторической и аргументационной структуры для одного текста.

1.2.2.3 Применение ТРС для моделирования аргументационных связей

Исследуя возможность компьютерного построения аргументационных структур на основе риторической разметки, Э. Поттер выявил две сложности теоретического плана при практическом решении данной задачи [Potter, 2022].

Во-первых, актуальные методы компьютерной обработки риторических структур основываются на некотором упрощении исходных принципов ТРС. Так, автоматизация разметки может достигаться через постановку акцента на лексико-синтаксических характеристиках сегментируемого текста (в частности, через обработку дискурсивных маркеров). Следует отметить, что сочетание расширенного словаря маркеров и методов синтаксического анализа позволяет выстраивать риторические структуры, достаточно близкие к экспертной аннотации: риторически значимые сведения теряются лишь в ограниченной мере. Тем не менее, оптимизация разметки в целях автоматизации приводит к выраженной потере содержания, полезного именно для аргументационного анализа (в первую очередь, интенциональных характеристик). В этой связи для компьютерной обработки аргументации более применима экспертная разметка риторических структур, которая, однако, отличается высокой трудозатратностью (ввиду чего аналогичное усилие экспертов может быть обращено к аргументационной аннотации напрямую).

Во-вторых, различия в функциональном представлении риторических и аргументационных отношений влекут расхождения в их направленности внутри общей структуры текста. Так, большинство риторических связей являются ассиметричными: среди связываемых ими сегментов текста один является главным (ядром), другой – подчинённым (сателлитом). Однако в аргументационной структуре взаимные роли сегментов могут как сохраняться, так и инвертироваться (в зависимости от направления развития рассуждения при убеждающем воздействии). Так, отношение *Solutionhood* в ТРС связывает проблему и предлагаемое решение, где первая является сателлитом, а второе – ядром (по определению Манна и Томпсон). При этом в аргументации возможен как вывод решения из проблемы (если ключевое внимание обращается именно к решению как предлагаемому действию), так и проблемы из решения (если автор желает подчеркнуть сложность этой проблемы, для чего указывает критические недостатки в доступных решениях, а затем обращается к ирреальной модальности с предписанием изначально не допускать возникновения такой сложной ситуации). Иным примером инвертирования ролей может выступить риторическое отношение *Elaboration*: его ядром является уточня-

емый объект, тогда как сателлитом – уточняющее свойство. Хотя свойство и второстепенно по отношению к объекту, в процессе аргументации оно может акцентироваться в большей степени, чем объект. Подобные случаи неясного направления связи, как демонстрирует Э. Поттер, требуют для корректного представления анализа структурного контекста (и интерпретации интенций автора), что затруднительно для компьютерных методов.

С иных позиций обращаются к задаче аргументационного анализа через риторические структуры А. Пелджус и М. Сид [Peldzus, Stede, 2003]: они рассматривают не автоматизированное построение аннотаций одного типа на основе другого, а непосредственное формальное представление аргументационных структур в терминах ТРС. Они приходят к выводу, что ввиду исходной концептуальной гибкости и методологической близости к задаче обработки аргументации ТРС подходит для той лучше аналогичных лингвистических инструментов. Однако А. Пелджус и М. Сид отмечают две значимые проблемы в таком применении ТРС, требующие адаптации её базовых положений.

1. ТРС ориентирована на линейное представление сегментов текста, тогда как аргументационным структурам линейность вовсе не свойственна. Она нарушается уже при обосновании одного заключения несколькими параллельными доводами (которые не объединяются общей связью, а вводят различное содержание для поддержки тезиса в разных аспектах). Кроме того, структура аргументации заметно усложняется с глубиной: доводы в поддержку некоего тезиса могут дополнительно раскрываться через их обоснование, возражение же способно использоваться для защиты доказываемой идеи через приведение контр-опровержения. При этом одна посылка может применяться для доказательства нескольких промежуточных заключений. Особую сложность представляет линейная отдалённость связанных сегментов (в связи с возможностью связи таких единиц в ТРС лишь опосредованно, в составе более сложных сегментов), которая может достигать размеров всего текста (например, если он начинается доказываемым тезисом, а завершается прямым расширением центральной идеи).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.